известных по многочисленным источникам первых десятилетий XVIII в.

Очевидно, в ГБ отразился процесс, который свидетельствует о серьезных изменениях, произошедших в сознании демократических читателей и писателей. При сохранении отдельных приемов поэтики фольклора и книжности здесь, тем не менее, производится сознательное замещение традиционных стилевых и сюжетных штампов на новый тип обобщения при описании исторических событий из жизни государства и реальных деятелей (в ГБ - российского императора Петра I). ГБ, непохожая ни на один из жанров современной ей народной литературы и фольклора, показывает, что поэтика фольклора и древнерусской книжности не всегда удовлетворяла запросы демократического читателя. Этот читатель по собственному желанию становится писателем и начинает импровизировать на «классические» для демократической литературы сюжеты, соединяя в своих импровизациях образность, стиль, сюжетные мотивы фольклора с фактами и событиями современной действительности. В некоторой степени тип работы автора ГБ напоминает принципы работы над текстом средневекового автора: он также вводит в него актуальные темы идеологического плана. ГБ, таким образом, отдаленно напоминает политическую легенду, но легенду-утопию. Даже этикетный литературный материал развлекательного характера имеет в ее сюжете дополнительную функцию: обогащает образ главного героя деталями, необходимыми для создания концепции добродетельного и мудрого монарха нового времени.

Литература

1. *Буланин, Д.М.* Древняя Русь / Д.М. Буланин // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. – Т. 1: Проза. – СПб., 1995.

2. Былины в записях и пересказах XVII – XVIII веков / изд. подгот. А.М. Астахова, В.В. Митрофанова, М.О. Скрипиль. – М.; Л., 1960

3. История о славном короле Брунцвике. - СПб., 1888.

4. *Калязина, Н.В.* Русское искусство Петровской эпохи / Н.В. Калязина, Г.И. Комелова. – Л., 1990.

5. *Козлова, Н.В.* Торговля / Н.В. Козлова, В.Р. Гарловская // Очерки русской культуры XVIII века. – М., 1985. – Ч.1.

6. *Котошихин, Г.* О Московском государстве в середине столетия // Памятники литературы древней Руси. - М., 1989. – № 11.

7. *Кузьмина, В.Д.* Рыцарский роман на Руси / В.Д. Кузьмина. – М., 1964.

8. *Мелихов М.В.* «История о Брунцвике» (по рукописи конца XVIII в. из фондов библиотеки Сыктывкарского университета) / М.В. Мелихов // Исследования по истории книжной и традиционной культуры Севера. – Сыктывкар, 1997. – С. 227 – 233

9. *Николаев, С.И.* Рыцарская идея в похоронном обряде Петровской эпохи / Николаев С.И. // Николаев С.И. Литературная культура Петровской эпохи. – СПб., 1996.

10. *Орлов, А.С.* Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) / А.С. Орлов. – М., 1902.

11. *Панченко, А.М.* Чешско-русские литературные связи XVII в. / А.М. Панченко. – Л., 1969.

12. Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне // Памятники литературы древней Руси. – М., 1989. – № 11.

13. Повесть о Петре Златых Ключей // Памятники литературы древней Руси. – М., 1989.

14. *Раздолгин, А.А.* Кронштадтская крепость / А.А. Раздолгин, Ю.А. Скориков. – Л., 1983.

15. Русская историческая библиотека. – СПб., 1909. – Т. 13.

16. Русские повести XVII – XVIII вв. – СПб., 1905.

17. Сказка о Наполеоне (№ 84) // Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX в. – М.; Л., 1961.

18. *Соловьев, С.М.* Сочинения. История России с древнейших времен / С.М. Соловьев. – М., 1993. – Кн. IX. – Т. 17 – 18.

УДК 811.112.37

Е.Г. Орлянская

АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ОТЧУЖДЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Данная статья посвящена исследованию логикофилософских аспектов семантической категории отчуждения и описанию ее языковой онтологии, проводимых на базе теоретической модели функционального описания языка, специфика которой заключается в том, что объект изучается с точки зрения закономерностей его функционирования, его связей с окружающей средой.

Семантическая категория, функционально-семантическое поле, концептуальная оппозиция «свой-чужой», категориальная ситуация.

The article deals with the study of logical and philosophical aspects of the semantic category of estrangement and the description of its linguistic ontology, held on the basis of the theoretical model of a functional description of the language. The specific character of it is that the object is studied from the point of view of its functioning and its relation with the environment.

Semantic category, semantic field, dichotomy «own-strange», categorical situation.

Смещение фокуса лингвистических исследований в направлении от «человек в языке» к «язык в человеке», свидетельствующего о смене концептуальных схем теории языка, становится доминирующей тенденцией и знаменует собой становление антропологической лингвистики. Перестановка составляющих

этой диады имеет принципиальное значение не только для теории языка, но и для новых поисков манифестации мира человека в языке, для вычленения и обоснования новых семантических пространств в их тесной взаимосвязи в реальном и виртуальном бытии человека [1].

Определенное место в антропологической лингвистике занимает проблема «семантики эгоцентрических категорий», активно разрабатываемая в последние десятилетия [2], [5], [7], [8], [10] и др. Содержательная сущность таких категорий, к числу которых относятся категории бытия, обладания, воли, желания, эмоциональной экспрессии, соматических состояний и др., определяется психофизиологической и социальной организацией человека и его ценностными ориентациями в универсуме и создает образ человека по данным языка, поскольку «... человек отразил в языке все, что узнал о себе и захотел сообщить другому: свой физический облик, свое отношение к предметному и непредметному миру, свои действия, свое отношение к другому человеку» [3, с. 3].

Данная статья посвящена семантической категории отчуждения и ее актуализации в современном немецком языке. Категория отчуждения представляет собой концептуально объемную категорию, характеризующую интерсубъектные отношения, в основе которых лежит отношение к объектам собственности (или шире – личной сферы). Отражая имущественный модус существования человека, данная категория обсуждается в ряде наук: философии, юриспруденции, социологии, психологии, в том числе и лингвистике. Интерес к ней обусловлен общей тенденцией гуманитарного знания переосмыслить место человека и человечества в мире в третьем тысячелетии и разрешить извечный вопрос философии «Иметь или быть?», поставленный в трудах многих ученых [11], [12]. Анализ феномена отчуждения, в том числе с позиций науки о языке, приобретает особую значимость и в связи с исследованием отношений обладания, которые наряду с отношениями бытия, а также соотносимыми с ними отношениями принадлежности, посессивности и партитивности, лежат в основе соответствующих категорий философии и логики.

Исходным пунктом категории отчуждения является право, то есть правовое отражение практики имущественных отношений. Если отвлечься от наиболее ранних стадий существования человека (когда подобно существованию животного, присваивающее хозяйствование первобытных собирателей поддерживалось отчуждением вещей, уже имевшихся в природе), то всякое отчуждение предполагает, что нечто ЧУЖОЕ существует лишь как отчужденное от другого СВОЕ. Эквивалентом исследуемого термина выступают латинские слова «alienatio», «alienus», «alienare», обозначающие отчуждение, связанное с собственностью на вещи, ее передачей из одних рук в другие или ее лишением, то есть «отчуждать» означает сделать кому-то чужим нечто, бывшее ранее его собственным, отобрать или изъять в соответствии с имущественным правом. Названное значение термина «отчуждение», являющееся его прототипическим значением, закреплено также в современных словарях. Так, согласно Советскому энциклопедическому словарю: отчуждение (юридическое) в гражданском праве – передача имущества в собственность другого лица; один из способов осуществления собственником правомочия распоряжения своим имуществом. Различаются отчуждение возмездное (купля-продажа) и безвозмездное (дарение).

Отчуждение является категорией персональной и институциональной одновременно, поскольку, с одной стороны оно ориентировано на эго человека, простирающееся в различные ментальные и физические сферы его бытия и определяющее способы его организации, и с этой позиции связано с пристрастным отношением человека к реальному миру во всем многообразии его форм существования. С другой же стороны, категория отчуждения определяется спецификой социальной организации человека и его ценностными ориентациями в социуме, позволяющими встроить его отдельно взятый микромир в макромир общества.

Категория отчуждения представляет собой категоризованное человеческим сознанием взаимодействие между двумя мирами – «своим» и «чужим», интерпретируемыми как личные сферы двух субъектов. Оно возникает при введении и выведении ими объектов из одной сферы в другую. Расширенное толкование терминов «свое (собственное)» и «чужое» и распространение их на явления, лежащие за сферой собственности, приводит к выделению в основе категории отчуждения бинарной оппозиции свое/чужое, отражающей один из фундаментальных семиотических принципов членения универсума на два мира – «свой» и «чужой». Взаимодействие между данными мирами означает связь посессивного, экзистенциального и пространственного значений, поскольку возникновение посессивных отношений между субъектом и отчуждаемыми объектами обусловлено экзистенцией последних (чтобы обладать, надо быть), а это, в свою очередь, предполагает их пространственную реализацию. В этой связи в качестве смысловой доминанты семантической категории отчуждения выделяется признак пространственного перемещения объекта из одной личной сферы в другую; в качестве второстепенных категориальных признаков выделяются: 1) контролируемость/ неконтролируемость; 2) временная ограниченность/неограниченность.

Рассмотрение семантических категорий вместе с системой средств их выражения в том или ином языке вызывает необходимость обратиться к понятию функционально-семантического поля. В отличие от семантической категории как понятия, целиком относящегося к плану содержания, поле представляет собой понятие, соотнесенное с единством двусторонним, содержательно-формальным, охватывающим конкретные средства данного языка со всеми особенностями их формы и содержания [4].

Отчуждение, возникающее между субъектами двух указанных сфер при перемещении ими объектов из одной личной сферы в другую, может выражаться в немецком языке с помощью глаголов типа nehmen, bekommen, geben, verlieren и т.д. При этом значение отчуждения может эксплицитно выражаться в рече-

вом высказывании, во внешней рамке предложения, например, при отчуждении объектов неотторжимой собственности: Mann wird dir nicht gleich den Kopf abreißen, а может и имплицироваться в семантике самого глагола, например: Er wurde enthauptet.

Кроме глагольной лексики, средствами выражения отчуждения являются также имена существительные, обозначающие: а) процесс или результат отчуждения: die Privatisierung, die Enteignung, der Verkauf, der Diebstahl и т.д. Например, Nur der Diebstal geistigen Eigentums wird in Deutschland überhaupt nicht bestraft (Spiegel); б) участников ситуации отчуждения: субъекта отчуждения – der Verkäufer, Vermieter, Dieb, Räuber, контрагента отчуждения – die Witwe, die Waise и т.д.: Wie können sie behaupten, dass meine Braut eine Diebin ist! Marie hat niemals gestohlen (E. Neutsch);

На словообразовательном уровне маркерами отчуждения выступают, как правило, отделяемые и неотделяемые префиксы со значением «лишать, отделять»: ent-, weg-, ab- и аффикс -los. Так, ent- – неотделяемый префикс глагола, указывает на удаление, движение из исходной точки, на лишение, например, entmilitarisieren – демилитаризовать, entmachten – лишать могущества, entpersönlichen – обезличить.

Среди лексических единиц такого рода, имплицирующих в своей семантике значение отчуждения, имеет место и целый ряд прилагательных, образованных с помощью аффикса -los. Согласно немецкоязычным словарям, основное значение данного суффикса состоит в указании на отсутствие чего-либо. Это значит, что при сочетании с именами существительными как конкретной, так и абстрактной семантики аффикс -los отрицает то содержание, которое выражается корнем (основой) данных лексем, например, die Arbeit – arbeitslos или das Problem – problemlos. Однако при сочетании с именами абсолютно неотторжимой принадлежности значение суффикса -los может определенным образом модифицироваться и указывать на результат неконтролируемого отчуждения. Так, интерпретация словосочетания beinloser Mensch как *«человек, не имеющий ног» будет не совсем правомерна, поскольку все части тела человека являются врожденными, принадлежат ему объективно и составляют предметное воплощение его «Я». Поэтому аффикс los- в прилагательном beinlos будет указывать не на факт отсутствия ног у человека, а на факт того, что до какого-то момента времени t объект неотторжимой собственности находился в микросфере человека «Я как тело», а затем, в силу каких-то причин, был исключен из нее. То же самое можно сказать о сочетании рассматриваемого аффикса с объектами относительно неотторжимой собственности. Например, словосочетание zahnloser Mann с учетом вышесказанного будет трактоваться не как *«мужчина, не имеющий зубов», а как «мужчина, утративший зубы» (der Mann, der Zähne eingebüßt hat).

Представляется, что способы названия целого по его части зависят от важности этой части для целого и от вида этого целого. Как следствие, иерархия структуры семантических признаков, соотносящаяся с иерархией структуры денотата, влияет на способы номинации и, тем самым, на типы значений формально аналогичных образований. Например, сочетание handloser Mann (безрукий мужчина) можно интерпретировать, во-первых, как «лишенный руки мужчина», а во-вторых, как «мужчина без возможностей». В то же время предложение Mein Nachbar ist ein kopfloser Mann понимается не как *«Мой сосед – мужчина без головы», а как «Мой сосед – глупый (забывчивый) мужчина». Разделяя точку зрения М.А. Журинской [6], мы считаем, что в основе внутренней специфики рассмотренных имен прилагательных заложена их способность к метафоризации разных типов отношений между обозначаемыми, которая отражается на способе мышления носителей языка.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что семантическая категория отчуждения выражается в современном немецком языке различными средствами, среди которых глагольная лексика занимает доминирующее положение. В ходе семантической структурации было выявлено, что функционально-семантическое поле отчуждения характеризуется моноцентричностью, имеет сложноструктурированное стабильное ядро и подвижную периферийную часть, охватывающую зоны ближней и дальней периферии.

Сложноструктурированность ядра поля отчуждения заключается в том, что в нем имеют место центральная и периферийная зоны. В центральную часть ядра были выделены четыре глагола: nehmen, geben, bekommen и verlieren, соотносящиеся между собой как формы актива и пассива. Данные глаголы характеризуются широкозначностью, они в наиболее общем виде выражают идею отчуждения объекта и концентрируют в своем содержании большинство категориальных признаков отчуждения. В основе исходных семантических особенностей данных глаголов лежит статус их архетипов в иерархии базовых концептов личной сферы субъекта, отражающих различные степени категоризации его познавательного опыта.

Объединяющим моментом для глаголов nehmen и bekommen, так же как для глаголов geben и verlieren служат: а) признак пространственности, б) характеристика денотата подлежащего как потенциального посессора (для глаголов nehmen и bekommen) и как реального посессора (для глаголов geben и verlieren) [9]. Действительно, анализируемые глаголы в своих значениях несут информацию о том, что объект Y до описываемого момента времени t находился за пределами личной сферы субъекта X-а, но в какой-то момент t_1 объект Y был включен в существование X-а. Единственное различие между указанными глаголами связано с тем, определяется ли включение действием самого субъекта или же действием некоторой, внешней по отношению к нему, силы. Например, предложение Er selber hatte sein Vermögen und seine besten Jahre verloren im Kampf für die amerikanische Freiheit можно трансформировать, используя глагол geben: Er hatte sein Vermögen und seine besten Jahre dem Kampf für die amerikanische Freiheit gegeben. Таким образом, признак контролируемости/неконтролируемости служит дифференциальным признаком, позволяющим разграничивать ядерные глаголы в составе семантического поля отчуждения.

Кроме перечисленных глаголов, которые состав-

ляют центральную часть ядра семантического поля отчуждения, мы выделили ряд глаголов, которые определяются через глагол nehmen в своих первых значениях и являются с ним взаимоопределяемыми, и отнесли их к периферийной части ядра. Таким требованиям отвечают четыре глагола, а именно: greifen, ergreifen, fassen, packen. Приведем фрагмент дефиниций данных глаголов:

GREIFEN – mit der Hand oder einem Werkzeug nehmen, fassen, erfassen, packen (Wahrig); ergreifen, [in die Hand] nehmen, packen (Duden), sich etwas nehmen; die Hand nach etwas ausstrecken und es festhalten oder versuchen es, mit der Hand zu fassen (Langenscheidt).

ERGREIFEN – nach etwas greifen und es festhalten, packen, erfassen, in die Hand nehmen (Wahrig); mit der Hand nach einer Person / Sache greifen und sie festhalten, in die Hand nehmen (Duden); j-n / etwas mit der Hand fassen und festhalten (Langenscheidt).

Как видно из приведенных дефиниций, данные глаголы демонстрируют наличие круговых определений. Это свидетельствует о том, что глаголы, выделенные в качестве ядерных, образуют единую группу. На наш взгляд, указанная группа может быть расширена за счет включения глаголов fassen и packen, которые, хотя и не содержат в своих дефинициях глагол nehmen, являются взаимоопределяемыми с глаголами greifen, ergreifen. Кроме того, данный список может быть дополнен глаголами bekommen и erhalten.

ERHALTEN – j-m zuteil werden, etwas bekommen (Duden); etwas bekommen, kriegen, bewahren (Wahrig); in den Besitz von etwas kommen, das einem ein anderer gibt / schickt / schenkt ~ bekommen (Langenscheidt).

BEKOMMEN – von j-m (als Geschenk, Belohnung, Auszeichnung o. A.) erhalten (Duden); erlangen, erreichen, erhalten (Wahrig); in den Besitz von etwas kommen, das einem ein anderer gibt / schickt / schenkt ~ erhalten, kriegen (Langenscheidt).

Несмотря на определенное противопоставление по указанному признаку, имеющее место в семантике рассматриваемых глаголов, все они обнаруживают в своих дефинициях одну общую сему – «перемещать из одной личной сферы в другую», то есть. In (die) Hand / (den) Besitz / (das)Eigentum nehmen, greifen, ergreifen, fassen, bekommen, erhalten, geben.

В пространстве ближней периферии были выделены следующие ЛСГ глаголов:

1. ЛСГ глаголов с общим значением «покупать»: kaufen, abnehmen, einkaufen, anschaffen, erwerben, ankaufen (aufkaufen, abkaufen), ersteigern, ramschen, mitnehmen, einholen.

2. ЛСГ глаголов с общим значением «нанимать»: anstellen, einstellen, engagieren, anwerben, heuern.

3. ЛСГ глаголов с общим значением «юридическое отчуждение»: beschlagnahmen, abnehmen, pfänden, enteignen, expropriieren, konfiszieren, requirieren, säkularisieren, vergesellschaften, vergemeinschaften, in Volkseigentum überführen, sozialisieren, verstaatlichen, nationalisieren, kollektivieren, entziehen, absprechen, verhaften.

4. ЛСГ глаголов с общим значением «брать в долг»: borgen, leihen, sich ausleihen, erborgen, entlehnen, sich ausborgen, pumpen, anpumpen.

5. ЛСГ глаголов с общим значением «отчуждать с применением физических усилий»: gewinnen, erlangen, verdienen, scheffeln, einhamsen, abhandeln, abfeilschen, а также rauben, berauben, entführen, kidnappen, plündern, ausrauben, ausplündern, brandschatzen, ausräubern, marodieren, fleddern, sich bemächtigen.

6. ЛСГ глаголов с общим значением «отчуждать с применением ментальных усилий»: herauslocken abschmeicheln, ablisten, abluchsen, erzwingen, abringen, abbetteln, abheucheln, abknopfen, ablotsen, ablausen, abschwatzen, ausspannen, erleichtern, rupfen, angeln, а также abschwindeln, ergaunern, erschwindeln, erschleichen, prellen, hereinlegen, begaunern, neppen, ausziehen, veruntreuen.

7. ЛСГ глаголов с общим значением «отчуждать в результате кражи»: sich bereichern, stehlen, entwenden, wegnehmen, klauen, stibitzen.

8. ЛСГ глаголов с общим значением «арендовать»: mieten, heuern, pachten, chartern.

9. ЛСГ глаголов с общим значением «сдавать в аренду»: vermieten, verpachten.

10. ЛСГ глаголов с общим значением «продавать»: verkaufen, veräußern, vertreiben, versteigern, absetzen, abstossen, versilbern, verramschen.

11. ЛСГ глаголов с общим значением «увольнять»: entlassen, kündigen, abbauen, fortschicken, fortjagen, verabschieden, suspendieren, entheben, emertieren, rauswerfen.

12. ЛСГ глаголов с общим значением «отчуждать объект из сферы субъекта по официальному распоряжению»: vererben, vermachen, verschreiben, hinterlassen.

13. ЛСГ глаголов с общим значением «давать в долг»: leihen, borgen, ausleihen, verleihen, verborgen, beleihen, vorschießen, vorstrecken, ausborgen, pumpen.

14. ЛСГ глаголов с общим значением «дарить»: schenken, beschenken, bescheren, bedenken, verehren, begnaden, spendieren.

15. ЛСГ глаголов с общим значением «передавать»: abgeben (übergeben), hinhalten, einhändigen (aushändigen), überreichen, zustecken, reichen, langen.

16. ЛСГ глаголов с общим значением «терять объект»: einbüßen, entbehren, kommen (um + Ak.), verspielen, sich verscherzen, verwirken;

При семантической интерпретации глагольных лексем, входящих в 16 лексико-семантических (тематических) групп, было выявлено, что отношения между ними носят квазисинонимичный характер. В этой связи выделяются два основных типа квазисинонимичных различий: родо-видовые (wegnehmen-abschwindeln), когда имеют место отношения включения и видо-видовые (abschwindeln-abgaunern-erschleichen), когда наблюдается их пересечение.

Суммируем все вышесказанное в аспектах выяснения понятийной онтологии отчуждения, ее мотивационной реальности и актуализации в немецком языковом сознании. Номинантами отчуждения являются субстантивные и адьективные предикаты, составляющие дальнюю периферию функционально-семантического поля отчуждения. Номинантами действий являются глагольные предикаты, составляющие ядро и ближнюю периферию поля. Проанализированные семантические модусы отчуждения не исчерпывают его содержания. Отчуждение определенным образом

манифестируется и в других семантических пространствах, например, таких как воля и обладание.

Литература

1. Антропологическая лингвистика: Концепты Категории. Коллективная монография к юбилею член-корреспондента РАН, доктора филологических наук Н.Д. Арутюновой. Иркутск, 2003.

2. *Арская, М.А.* Семантическая категория эстетической оценки «прекрасное – безобразное» и ее онтология в современном немецком языке: дис. … канд. филол. наук / М.А. Арская. – Иркутск, 2002.

3. *Арутюнова, Н.Д.* Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М., 1999.

4. *Бондарко, А.В.* Грамматическое значение и смысл / А.В. Бондарко. – Л., 1978.

5. *Виноградова, Н.Г.* Категория обладания и ее языковая онтология в современном немецком языке: дис. … канд. филол. наук / Н.Г. Виноградова. – Иркутск, 2001.

6. *Журинская, М.А.* О выражении значения неотторжимой принадлежности в русском языке / М.А. Журинская // Семантическое и формальное варьирование. – М., 1979. С. 295 – 347.

7. *Малинович, Ю.М.* Экспрессия и смысл предложения: Проблемы эмоционально-экспрессивного синтаксиса / Ю.М. Малинович. – Иркутск, 1989.

8. *Прожилов, А.В.* Соматические состояния человека и их языковая онтология в современном немецком языке: дис. … канд. филол. наук / А.В. Прожилов. – Иркутск, 1999.

9. *Селиверстова, О.Н.* Экзистенциальность и посессивность в языке и речи: дис. … д-ра филол. наук / О.Н. Селиверстова. – М., 1983.

10. *Топка, Л.В.* Прагма-семантическая категория некатегоричности в современном английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук / Л.В. Топка. – Иркутск, 2000.

УДК 81.0 : 81'33

С. Ю. Полуйкова

СОВРЕМЕННЫЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ДИСКУРС: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Цель данного исследования – описание современного просветительского дискурса в рамках когнитивно-прагматического подхода: выявление механизма когнитивного воздействия на адресата. На основе теории когнитивного диссонанса выделены различные типы взаимодействия адресата с просветительской информацией, а также основные когнитивные стратегии и тактики.

Прагматика, дискурс, когнитивный диссонанс, когнитивные стратегии.

The aim of this study is to describe the modern educational discourse within the cognitive-pragmatic approach: identification of the mechanism of cognitive impacts on the addressee. Different types of interaction of the addressee with the educational information and essential cognitive strategies and tactics are defined in the paper on the basis of the theory of cognitive dissonance.

Pragmatics, cognitive dissonance, discourse, cognitive strategies.

Просветительский дискурс как форма современной социальной практики представляет собой актуальный, но мало изученный объект исследования. До настоящего момента отечественные и зарубежные лингвистические исследования посвящены в основном «поучительным» трактатам эпохи Просвещения и более поздних времен. В рамках просветительского дискурса XXI в. сложилось несколько направлений: профессиональное, политическое, правовое, гражданское; научное, медицинское просвещение; освоение знаний, необходимых для участия в деятельности общественных организаций и движений; просвещение граждан, находящихся в экстремальных условиях (инвалидов, мигрантов и т.п.). Ценностное наполнение просветительского дискурса определяется пониманием просвещения как деятельности для «общественной пользы», способствующей поступательному развитию человека и позитивному преобразованию общества. Поэтому этот феномен имеет ярко выраженное нравственное содержание и связан в общественном сознании с такими общекультурными ценностями, как: гуманизм, гражданственность, стремление к познанию, жизнь, здоровье, толерантность. Представляет интерес исследование дискурсивной практики в указанных сферах, выявление, как специфических особенностей, так и интердискурсивных признаков в когнитивном, коммуникативно-прагматическом и лингвокультурном аспекте.

Предпринимаемый в данном исследовании анализ современного просветительского дискурса в «системе координат» когнитивно-прагматического подхода предполагает рассмотрение когнитивных механизмов воздействия автора просветительского текста на адресата. В роли последнего выступает индивид и группа людей, объединенных определенными социальными, профессиональными и личностными потребностями (например, родители; люди, интересующиеся здоровым образом жизни и т.п.). Отметим при этом важный момент: данные потребности могут быть как актуальными, так и потенциальными. В первом случае личность сама осознает необходимость получения определенной информации (например, родители детей с ограниченными возможностями), во втором случае личность не осознает важности какой-либо темы или проблемы (например, широкие слои населения, которые не задумываются о